

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).084.1-2

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕНЕНИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ТРИ БРАТА (ТО, ЧТО БЫЛО): СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ» / СОСТАВИТЕЛИ, АВТОРЫ ПРЕДИСЛОВИЯ И КОММЕНТАРИЕВ К. Н. МОРОЗОВ, А. Ю. МОРОЗОВА. М.: НОВЫЙ ХРОНОГРАФ, 2019. – 1016 С.

В. Б. Аксенов

РАН,
институт российской истории,
г. Москва, Россия

Рецензия посвящена публикации К. Н. и А. Ю. Морозовыми сборника документов, раскрывающих путь и место в революционном движении трёх братьев Савинковых – Александра, Бориса и Виктора. Автор рецензии отмечает большой потенциал книги для изучения социальной истории, а также обращает внимание на некоторую общность биографических черт героев книги (душевные болезни, перемены настроения), которые позволяют воспринимать революционное время как «эпоху нервозности».

Ключевые слова: Б. Савинков, В. Савинков, революция, Первая мировая война, Гражданская война, террор.

История революционного движения России богата более или менее удачными исследованиями рабочего и крестьянского протеста, однако куда менее изученной остаётся тема участия в подпольной работе молодёжи, в первую очередь студенчества. Вместе с тем биография видных профессиональных революционеров показывает, что радикализация их политических взглядов приходится на студенческие годы. Это связано как с психолого-возрастными характеристиками постпубертатного периода, так и реакционной политикой властей

в сфере просвещения, на которую студенты рубежа XIX – XX вв. отвечали всеобщими забастовками. Столкновение с косностью университетской администрации, насилие со стороны карательных органов способствовали краху иллюзий и привели к мысли о необходимости насильственного свержения строя. Путь в Боевую организацию эсеров известного в будущем террориста Б. В. Савинкова начался именно в годы обучения в университете. Показательно, что его старший и младший

братья также в период учёбы приобрели революционные взгляды.

Рецензируемая книга «Три брата (То, что было): Сборник документов», подготовленная К. Н. Морозовым и А. Ю. Морозовой, посвящена трём братьям Савинковым. Несмотря на название, она несколько больше, чем публикация источников. Снабжённая 185-страничным предисловием, книга совмещает исследовательскую и документальную части, каждая из которых по-своему интересна. Авторы сумели собрать уникальный материал: это не только ранее не публиковавшиеся документы из государственных архивов России, но и материалы из семейных архивов В. В. и Б. В. Савинковых, сохранившиеся у наследников за рубежом. Публикацию документов предваряет краткое предисловие Сержа Савинкова. Документы сгруппированы в двух частях. Первая – это эпистолярное наследие, среди которого семейная и деловая переписка. Письма братьев друг к другу, своим родственникам раскрывают индивидуальные мотивы участия молодёжи в революционном движении, а также позволяют реконструировать некий эмоциональный ландшафт революции. Письма Б. В. Савинкова первой жене В. Г. Успенской – сначала в период, когда Савинков находился под следствием, затем во время вынужденной эмиграции – демонстрируют конфликт личности и системы, позволяют по-новому взглянуть на известного террориста – как глубоко несчастного человека, тяжело переживающего разлуку с семьёй. Неудивительно, что отношение многих революционеров к власти окрашивалось в цвета персональной ненависти. Помимо род-

ственников адресатами и адресантами переписки выступают З. Н. Гиппиус, А. В. Колчак, С. Д. Сазонов, А. И. Деникин, Г. Е. Львов, П. Н. Врангель, Й. Пилсудский и др. Вторая часть включает в себя два коротких мемуарных очерка Б. В. Савинкова, записки В. В. Савинкова с 1916 по 1927 г., а также статьи братьев. В качестве приложений публикуются уставы, программы и протоколы собраний политических организаций («Общины», «Союза земли и правды», «Народного союза защиты родины и свободы»), протесты, доклады, статьи, так или иначе связанные с судьбами главных героев книги. Следует отметить высокий археографический уровень проведённой работы. Публикация снабжена подстрочными примечаниями, авторскими комментариями. Книга иллюстрирована фотографиями из архивов и личных коллекций, а также рисунками В. В. Савинкова.

Открывающее издание предисловие является самостоятельной исследовательской частью книги, в которой сформулированы оригинальные и важные позиции К. Н. и А. Ю. Морозовых. Вместе с тем это и наиболее уязвимая часть: авторы вышли за привычный объём предисловия, приблизившись к монографической форме, однако отсутствие внешней структуры и определённые форматные ограничения не позволили в полной мере развить и обосновать некоторые тезисы. Остаётся надеяться, что в будущем текст предисловия выльется в законченное самостоятельное исследование. По понятным причинам больше всего внимания уделено Б. В. Савинкову, чуть меньше его младшему брату Виктору и ещё меньше – старшему, А. В. Савинкову.

Вместе с тем судьба каждого из братьев по-своему интересна с точки зрения разных путей молодёжи в революцию.

Потенциал публикуемых источников сложно переоценить. Начало XX в. оказалось богато на важные события как политической, так и социальной, культурной истории: демографические процессы, распространение декаданса, реакция и политический террор, войны и революции – всё это в той или иной степени нашло отражение в книге «Три брата». В рамках развивающейся социальной истории революции актуальным представляется вопрос о вовлечении молодёжи в революционную деятельность. В самом начале предисловия Морозовы выступают против тезиса о несовместимости революции и борьбы за идеалы (с. 9). Литературное наследие братьев Савинковых подтверждает, что попытки идейного обоснования политической борьбы выступали неотъемлемой частью их самопознания, саморефлексии. В публикуемом письме в редакцию журнала «Русская мысль» автор «Коня бледного» подчёркивает, как важно для него было решение моральных проблем, стоящих перед революционером (с. 411). Вместе с тем авторы

книги делают очень важное замечание об изначальном превалировании личностной мотивации над идейной, обращая внимание, что впоследствии Б. В. Савинков умалчивал об этом (с. 29). Действительно, в обострившей до предела политические разногласия Гражданской войне многие её участники начинали стесняться своей эмоциональности; важным становились не мимолетные эмоции, а чёткие, непоколебимые принципы, хотя, нужно заметить, что мечтателей-романтиков всё равно хватало и в белом, и красном, и зелёном лагерях. Тем не менее ужасы Гражданской войны не способствовали сохранению романтических иллюзий.

В современной исследовательской литературе актуальным является эмоциологическое направление, в связи с чем указывается, что помимо ущемления материальных интересов тех или иных групп необходимо учитывать эмоциональную репрессивность властей¹. В историографии российского рабочего движения последних десятилетий неоднократно отмечалось, что конфликты рабочих с заводской администрацией часто вспыхивали по причине унижения достоинства отдельных представителей пролетариата, о чём, в частности, пишут Л. Хаймсон, М. Стейнберг². При

¹ Scheff T. Repression of Emotion: A Danger to Modern Societies? // Emotions in Politics. The Affect Dimension in Political Tension. Palgrave Macmillan, 2013. P. 84.

² Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 18–19; Стейнберг М. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и

интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 96–97.

Hajmson L., *Razvitie politicheskogo i social'nogo krizisa v Rossii v period ot kanuna Pervoj mirovoj vojny do fevral'skoj revolyucii*, Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma), SPb., 1999, S. 18–19; Stejnberg M., *Predstavlenie o «lichnosti» v srede rabochih intelligentov*, Rabochie i intelligenciya Rossii v epohu

этом чувство собственного достоинства в рабочей среде развивалось под влиянием как минимум двух факторов – это традиционные представления о справедливости, доставшиеся по наследству от крестьянской ментальности, и социалистические идеи, предполагавшие равенство прав всех сословий. Чувство справедливости было особенно характерно для российского студенчества. Авторы книги указывают, что путь Б. В. Савинкова в революцию начался с невозможности терпеть бесцеремонность властей.

Важно, что морально-этические конфликты рассматриваются не только как причина рабочего или студенческого движения, но и как причина революционизации армии в годы Первой мировой войны. Публикуемые воспоминания В. В. Савинкова как раз дают нам соответствующий материал. Офицер-артиллерист замечал, что зуботычины и подзатыльники переносились солдатами спокойно в тех случаях, когда они осознавали свою провинность, но очень часто рукоприкладство использовалось в качестве демонстрации своего более высокого статуса, и тогда врождённое чувство справедливости заставляло солдат роптать (с. 434). Виктор Савинков приводит в качестве примера унтер-офицера, которого ненавидели рядовые, но умалчивает о его последующей судьбе. По другим воспоминаниям участников мирового конфликта становится ясно, что особо ненавидимые унтер-офицеры не выживали – их часто находили мертвыми либо в каком-то укромном месте, либо в результате

наступления с пулевым ранением в спине.

Нельзя не обратить внимание на другой интересный сюжет, который поднимает В. В. Савинков, – психологические отличия разных поколений молодёжи. Сама по себе тема поколенческих отличий достаточно сложна и неоднозначна, но Савинков объясняет её опытом подпольной революционной борьбы и участия молодёжи в революции 1905–1907 гг.: «Во время революции влияние моего поколения стало вредным: мои сверстники, услышав боевой клич, внезапно оторвались от преферанса, протерли глаза и, приободрившись, явились на митинги, в совдепы, в войсковые комитеты. Там, почему-то изображая из себя жертв царского режима, они вспомнили старое: не давая себе труда оглядеться и подумать, не замечая, что изменились времена, они заговорили языком 1905 г. Молодёжь, с которой я познакомился в училище, аполитичная, мало развитая и перед лицом серой толпы совершенно беспомощная, оказалась не менее вредной: она могла или умирать, или совершенно пассивно плыть по течению – только» (с. 430). Весьма любопытно, что если характеристикой поколения 1890-х Виктор считал романтизм, то поколения 1910-х – нигилизм (относя себя к первому поколению «стариков»). Однако представляется, что опыт Первой мировой войны и революции нивелировал эти отличия.

Рассматривая психологические особенности поколений, нельзя обойти вниманием такую проблему, часто игнорируемую в современной

reform i revolucij 1861 – fevral' 1917, SPb., 1997, S. 96–97.

историографии, как литературный бэкграунд³. В конце концов, нравственные ориентиры формировались во многом под воздействием художественной и философской литературы, и опыт Бориса Савинкова как литератора как раз показывает важность изучения литературного творчества для понимания природы революционности молодежи. В 1975 г. из печати вышла книга Пола Фассела «Великая война и современная память», в которой автор рассмотрел влияние художественной литературы на восприятие комбатантами мировой войны и последующее формирование мифов о ней⁴. Историк выделил произведения, с героями которых отождествляли себя британские солдаты и офицеры, пытаясь экзистенциально осмыслить своё место в войне. В дневниках и воспоминаниях российских военных также можно обнаружить подобных героев. Так, например, обращает на себя внимание упоминание произведений Кнута Гамсуна «Пан» и «Смерть Глана». Кнут Гамсун также фигурирует в переписке Александра и Бориса Савинковых. Причём если первый не понимает мотивы лейтенанта Глана, то, судя по всему, Борис в некоторой степени считал его своим героем. При всей достоянности «Коня бледного» и «Коня вороного» в чертах Жоржа также можно усмотреть некоторые характеристики Глана.

Авторы сборника справедливо указывают на влияние декаданса на мировоззрение и литературное творчество Бориса Савинкова. В переписке братьев обнаруживается список его чтения: упомянутый Гамсун, а также Метерлинк, Тотмайер, Пшибышевский (позднее – влияние кружка Мережковского–Философова). Примечательно, что, хотя Александр отмежевывался от декаданса, он увлекался чтением Бьёрнсона, у которого социальные вопросы соседствуют с мистикой. Литература декаданса формировала определённую психологическую атмосферу эпохи, которой свойственно было очень болезненное ощущение мимолётности мира, его упадка. Отсюда было два выхода: в меланхолию или в бурный протест. И та и другая формы нередко доходили до крайности и заканчивались девиациями. Не случайно, что у отца и двух его старших сыновей обнаруживались общие психические особенности: у отца и старшего сына – душевная болезнь, у старшего и среднего сына – состояние отчаянья, толкнувшее их на самоубийство. Впрочем, затворничество и прерывание всех отношений с семьёй младшего брата также свидетельствовало об определённой психологической драме. Немецкий историк Йоахим Радкау назвал конец XIX – начало XX в. эпохой нервозности⁵.

³ Одной из немногих работ на эту тему является монография: *Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа.* М., 1999.

Mogil'ner M., Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyj mikrokosm v Rossii nachala XIX veka kak predmet se-mioticheskogo analiza. М., 1999.

⁴ *Фассел П. Великая война и современная память.* СПб., 2015.

Fassel P., *Velikaya vojna i sovremennaya pamyat'*, SPb., 2015.

⁵ *Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера.* М., 2017.

Radkau J., *Epoha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera.* М., 2017.

Эта нервозность очень хорошо отразилась в судьбе и литературном наследии братьев. Марк Стейнберг отличительной характеристикой эпохи считает меланхолию. Признаки меланхолии обнаруживаются в переписке Александра и Бориса.

Публикуемые документы позволяют оценить психологическое воздействие тех или иных событий на настроения поколения молодых революционеров. Современники отмечали растерянность в массовом сознании, вызванную началом Первой мировой войны. Тогда в умах социалистов интернациональное вступило в диссонанс с национальным. Б. В. Савинков подвергся критике некоторых своих единомышленников за чересчур патриотичные статьи, готовность отдать свою жизнь за победу России (в войне, которую часть социалистов называла империалистической). Однако позиция Б. Савинкова была несколько сложнее, чем известная схема отношений «патриотов», «оборонцев» и «пораженцев»: некоторые современники считали, что мировая война даст толчок развитию внутреннего общественно-демократического потенциала народа, что

неминуемо приведёт к свержению царизма. В одном из писем Савинков переформулировал известный эсеровский лозунг: «В войне обретешь свободу свою»⁶.

Авторы уделяют внимание психологическому портрету Б. Савинкова, пытаясь объяснить его сотрудничество с советской властью и выяснить, не являлась ли его смерть убийством. Обращая внимание на эволюцию Савинкова-революционера в Савинкова-государственника, Морозовы отмечают, что расплатой его стала свобода (прежде всего внутренняя), с потерей которой он не смог смириться, когда понял, что оказался обманут большевиками. В этом авторы видят «трагедию Бориса Савинкова-интеллигента и человека Серебряного века, искренне пытавшегося найти ответы на противоречия эпохи и запутавшегося в них» (с. 176).

Таким образом, рецензируемое издание представляет большой интерес как для специалистов в области политической, так и социальной истории; является уникальным источником по изучению революции как «семейного подряда».

Список литературы:

1. Хаймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.
2. Стейнберг М. Представление о «личности» в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб., 1997.
3. Фассел П. Великая война и современная память. СПб., 2015.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 24.

State Archive of the Russian Federation, F. 102, Op. 265, D. 979, L. 24.

4. Scheff T. Repression of Emotion: A Danger to Modern Societies? // Emotions in Politics. The Affect Dimension in Political Tension. Palgrave Macmillan, 2013.

[REVIEW] THE HISTORY OF THE REVOLUTION IN THE PSYCHOLOGICAL DIMENSION. ABOUT THE BOOK «THREE BROTHERS (WHAT WAS): A COLLECTION OF DOCUMENTS» / AUTHORS, AUTHORS OF THE FOREWORD AND COMMENTS K. N. MOROZOV, A.Yu. MOROZOVA. MOSCOW: NEW CHRONOGRAPH, 2019. – 1016 С.

V. B. Aksenov

Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History,
Moscow, Russia

The review is devoted to the publication of K.N. and A.Yu. Morozovy collection of documents revealing the way and place in the revolutionary movement of the three Savinkov brothers – Alexander, Boris and Victor. The author of the review notes the great potential of the book for the study of social history, and also draws attention to a certain commonality of biographical features of the book's heroes (mental illness, mood changes), which allow us to perceive revolutionary time as an «epoch of nervousness».

Keywords: *B. Savinkov, V. Savinkov, revolution, World War I, civil war, terror.*

Об авторе:

АКСЕНОВ Владислав Бэнович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, 117036, Москва, ул. Д. Ульянова, 19), e-mail: vlaks@mail.ru

About the author:

AKSENOV Vladislav – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Russia, 117036, Moscow, D. Ulyanova Street, 19), vlaks@mail.ru

References

- Hajmson L., *Razvitie politicheskogo i social'nogo krizisa v Rossii v period ot kanuna Pervoj mirovoj vojny do fevral'skoj revolyucii*, Rossiya i Pervaya mirovaya vojna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma), SPb., 1999.
- Stejnberg M., *Predstavlenie o «lichnosti» v srede rabochih intelligentov, Rabochie i intelligenciya Rossii v epohu reform i revolyucij 1861 – fevral' 1917*, SPb., 1997.
- Fassel P., *Velikaya vojna i sovremennaya pamyat'*, SPb., 2015.

Статья поступила в редакцию 27.10.2019 г.